

Н.И. Надеждин

Летописи отечественной литературы

Повести Михаила Погодина

Три части, Москва,

В тип. С. Селивановского, 1832

Вечера на хуторе близ Диканьки повести, изданные пасичником Рудым Паньком.

Вторая книжка, СПб., В тип. А. Плюшара, 1832

Андрей Безымянный

Старинная повесть

СПб., В тип. III. Отд. собств. Е. И. В. Канцел., 1832

Досуги инвалида. Часть первая

I. Матушка-мадам. II. Марихен

Москва, в тип. Н. Степанова, 1832

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/nadejdin.htm>

Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. - М., 1972.

В современных европейских литературах повести играют роль весьма важную. Кроме журналов и альманахов, для которых они служат, можно сказать, насущным хлебом, книжные лавки ежедневно наполняются ими, в отдельных брошюрках и многотомных собраниях. Писатели, более или менее посягающие на литературную славу, от паркетных матадоров, волнующих гостиные и будуары, до суровых государственных мужей, располагающих судьбами народов, оказывают особенное пристрастие к сей, по-видимому, пошлой, мелочной форме словесной производительности, которая в старину составляла везде, а на востоке составляет и ныне, незavidное ремесло бродяг и скоморохов. Величественные имена Шатобриана и Бенжемена Констана блещут в ряду повествователей подле классического парика Бульи и романтического чепца Мелании Вальдор. Мудрец Якоби, славный в летописях германской философии, приобщается к одной категории с болтуном Клауреном и Алексисом Виллибальдом. Коротко сказать, повесть считается теперь делом совместным со всеми направлениями деятельности, со всеми степенями ума, со всеми родами гения.

Откуда ж такое всеобщее, решительное предрасположение? Если под повестью разуметь, по обыкновенному значению слова, просто рассказ, создаваемый воображением для забавы скучных минут праздности, то, конечно, ее достоинство и употребление должно быть весьма ограничено и односторонне. Повесть, понимаемая таким образом, будет не более как поэтическая игрушка, свойственная досугу младенчества человеческого, но мало достойная той возмужалости, коей мы теперь хвалимся. Таковы "Тысяча и одна ночь"! Таковы рыцарские, волшебные и любовные сказки средних веков, даже в той классически-обработанной форме, которая дана им в "Декамероне" Боккаччио и в "Кантербурских повестях" Чаусера! Если мы и ныне еще с наслаждением перечитываем сии произведения, то потому, что в них слышится лепет младенствующего человечества во всей его простодушной искренности; точно так с наслаждением смотрим мы на игры детей, напоминающие нам дни собственной нашей юности! Но современникам забавлять нас серьезно подобными игрушками было бы весьма неуместно. Стало быть, повесть, в наши времена, должна иметь другой, особый смысл, который сближает ее с настоящим возрастом жизни!

Как художественное произведение творческой фантазии, существенно отличное от прозаического